

3
русс

Рециркуляция негативности теория, литература и неудачи утверждения

Бенджамин Нойз*Университет Чичестер*

Рециркуляция негативности: теория, литература и неудачи утверждения

Аннотация

В современной теории преобладает «утверждение», то есть утверждение преобладающей экономики избытка, которая может вписаться в любую действующую экономику или взломать ее. Эта статья реконструирует и критикует этот «аффирмативизм», анализируя, как эти процессы подчиняют негативность, оказавшуюся в ловушке ограниченной экономики, и утверждает «неприрученную негативность», которая избегает любых взаимодействий. Я осуществляю все это, воспроизводя основные функции аффирмативизма и особенно его обращение к силам творчества и игры, которые отображаются в литературе и противопоставлены «работе негативности». Исследуя это понижение статуса «труда» как результата коллапса идентичности рабочего, я предполагаю, что это приводит к фатальному отчуждению негативности от социальной и политической сфер. Между тем возвращение к негативности должно быть возвращением к рациональным формам негативности, что указывает на невозможность существования труда внутри капитализма.

Ключевые слова

негативность, политика, современная континентальная теория, труд, утверждение.

Выход ведет внутрь

Я хочу начать с конца, который также и начало, и с начала, которое также и конец. Во-первых, конец — это последнее слово в «Улиссе» Джеймса Джойса (2006), а именно слово «Да» (с большой буквы), последнее «да» из последовательности нескольких «да» во внутреннем монологе Молли Блум: «...да я сказала да я хочу Да» (Джойс 2006: 992). Это и есть то самое «да», повторенное «да», из которого Деррида позже выведет «двойное утверждение», являющееся началом деконструкции как открытости событию (*opening to the event*) (Derrida 1992: 253–309). Во-вторых, начало из джойсовского «Поминки по Финнегану», начало, которое завершает виконианский круг книги и заиклено с последнего слова *the* к первой строчке: «...бег реки мимо Евы с Адамом, от излучины берега до изгиба залива, просторным пространством возвратных течений приносит нас вспять к замку Хаут и его окрестностям» (Joyce 1992: 3). Эти «возвратные течения», казалось бы, подразумевают замкнутый круг, повторный захват (*recapturing*) и обобщение (*totalization*), которые, по словам Деррида, «циркулируют сквозь все языки одновременно, [и] накапливают их энергии» (Derrida 1989: 102). В этом бесконечном, неограниченном накоплении кажется, что текстовая машина Джойса становится *perpetuum mobile*, хотя Деррида утверждает, что мы циркулируем туда-обратно между «да» «суммирующего контроля и реактивного повторения» (Derrida 1992: 308) и «да» утверждения и открытия. *Дублирование* «да» разрывает круг и открывает спираль утверждения. Эта «двойная сцена», что характерно, является в буквальном *литературном* смысле одной из «первичных сцен» того, что я назвал аффирмативизмом, который делает ударение на новизну, производство, избыток и фундаментально *аффирмативную* природу мысли (Noys 2010: xi). В этой схеме, как мы увидим, выбор сделан в пользу утверждения, для того чтобы разорвать «ограниченную экономию» (*restricted economy*) циркуляции и тотализации, вписывая ее во «всеобщую экономию» излишка (Деррида 2007: 402–446). В перспективе «строгой экономики» негативность — это то, что остается в круге, остается связанным с тем, что уже есть, и никогда не может достичь творения и нового; негативность — это всегда лишь «еще одна успокоительная поверхность позитивного» (Деррида 2007: 414). «Всеобщая экономика» — это перспектива, которая рисует спираль и не просто предает негативность этой участи, но и вновь вписывает ее; негативность превращается в «столь негативную негативность, что она не могла бы даже называться таким именем» (Деррида 2007: 102, п. 4), то, что мы могли бы назвать «дикой негативностью». Этот акт утверждения — один из повторяющихся мотивов в конъюнктуре современной теории. Он соединяет теоретические формы, которые

изначально кажутся антагонистическими и взаимно враждебными (от Деррида до Делёза, от Негри до Бадью и далее). Вместо исчерпывающего описания этого акта — это я сделал в другом тексте (Noys 2010), — я ставлю своей целью исследовать аффирмативизм как особенную, философско-литературную сцену или момент. В частности, я хочу проблематизировать эту сцену, поставив вопрос о том, каким образом она низводит негативность до чисто экономического статуса и попутно реифицирует гипернегативность. У истоков этого двойного маневра стоит, как я буду утверждать позже, беспокойство о роли и форме *труда*, ранее бывшего привилегированной фигурой негативности. В ответ на видимую неудачу труда в воплощении негативности разрыва (*disruptive negativity*) «аффирмативизм» связывает себя с литературой как с пространством креативности и игры, оторванным от форм капиталистической экономики и ценности. Я утверждаю, что это разделение формирует и опосредует тенденцию к рассмотрению труда как неудавшейся контрформы по отношению к капиталу, но это же разделение, по иронии, служит тому, чтобы вновь связать «дикую негативность» с созданием ценностей: выход ведет нас внутрь.

Спираль Джойса и круг Гегеля

Согласно Деррида, фигура, которая стоит за Джойсом и его текстовой машиной, — это Гегель; и именно реакция *против* Гегеля структурирует общую сцену аффирмативизма. Желание найти высшую экономию избытка — это желание преодолеть гегельянский «цикл», который всегда рассматривается как сдерживание негативности¹. Деррида прописывает джойсовскую избыточную «спираль» утверждения как форму превышения, преодоления (*excess*) гегелевского ограниченного «круга» негативности. Если, как пишет Деррида, существует «так мало литературы» (Derrida 1992: 73), что большая часть литературы, можно сказать, насыщена философией, и если какая-то литература и существует, то только в качестве остатка, тогда Джойс — это философский двойник Гегеля, но с той оговоркой, что «рециркуляция» или «бег реки» аффирмации переливается через край от любого *perpetuum mobile*; один из самых ранних примеров такого вечного двигателя, машина Вийяра из Оннекура (ок. 1230), — это водное колесо (рис. 1).

¹ По контрасту с этим Жан-Люк Нанси утверждает, что круг — любимая фигура у Гегеля, но только «круг кругов» формирует «поворотную точку» и бесконечное отсутствие покоя (Nancy 2002: 17–18).

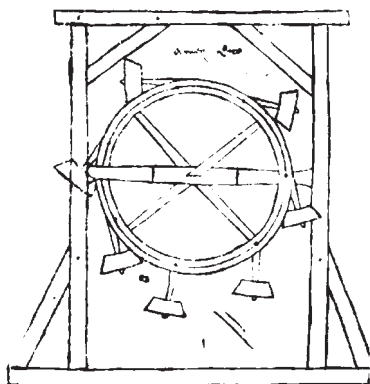

Рис. 1. Вечный двигатель Вийяра Оннекура (ок. 1230)

Мы должны также заметить, что именно литература, как тонкая грань неумеренности, служит прообразом аффирмативизма. Машина Джойса², как и его имя, радостная, комичная и аффирмативная, начиная с желания объединить все, но для того чтобы все языки мира заканчивались только этим двусмысленным утверждением, которое всегда смещает и ожесточает это желание (Derrida 1984). Машина Гегеля лишь начинается с негативности, действуя через трагическое и некоторую форму траура, чтобы вернуться, через «отрицание отрицания», к тотальности. Предполагается, что негативность перенасыщена в своей закрытости, а абсолютная негативность эквивалентна интериоризации абсолютного знания, это циркулирование в замкнутом пространстве, которое не выплескивается из своего русла и в принципе не способно, как утверждает, сделать этого. Литература, напротив, переливается через край. Тогда Джойс — это фигура гиперболического аффирмативизма. Клише трагического философа и радостного и креативного писателя сложным образом встроены в теоретические построения. В нашем смысле этот аффирмативизм заимствует «популярную» форму идеологии креативности, которая всегда и везде настаивает на переполняющейся творческой силе в противовес критическим структурам и ограничениям рынка.

В отношении Джойса конструирование «радостного» (*joyous*) образа писателя предполагает игнорирование того опыта бессилия (*paralysis*), который мы встречаем в «Дублинцах» (1914). Вместо это-

² Здесь Нойс играет на близости орфографии имени Джойса (Joyce) и слова «радость, удовольствие» (*joy*). — Примеч. пер.

го Джойс выбирает аффирмативную «траекторию полета» и задается четкой целью «избежать этих сетей»³ бессилия (плохой негативности) и таким образом получить доступ к кочевой и бесконечной аффирмации а-национальной и ризоматической имманентности. Над этой конструкцией заранее иронизирует Фланн О'Брайан в своем «Архиве Даклей» (O'Brien 1993), создавая комический и злой портрет ушедшего на пенсию Джеймса Джойса, тихо живущего в послевоенной Ирландии. Этот «Джойс» утверждает, что был лишь соавтором «Дублинцев» вместе с Оливером Гогарти и автором серии памфлетов для Ирландского общества истинной католической веры. «Джойс» резко отрицает «порнографию, мерзость и литературную тошноту» (O'Brien 1993: 167) «Улисса», который, как он заявляет, написан по сюжету Сильвии Бич и вовсе не им, а кучкой «журналигов, пошлых поэтов, кровожадных сплетников, психосодомитов, развратных гомосексуалистов, торгашей разноцветной похотью для падшего человечества» (O'Brien 1993: 167). И наконец, он совсем не понимает «Поминок по Финнегану». Джойс здесь далеко не модернист международного уровня, его фигура сведена к ограниченной и локальной «беспомощности» (*paralysis*), с которой, в идеале, он должен был бы бороться. Он вовсе не человек «тишины, отшельничества и искусства», а «болтливый репатриант и оригинал» (O'Brien 1993: 168).

Аффирмационистское отречение от всякой негативности позволяет Джойсу быть обращенным против Гегеля. В этом смысле литература может оторваться от философии или точнее, от определенной формы философии, которая «ограничивает» негативность, и открыть новую форму философии, которая утверждает «общую экономию» (*general economy*). В результате открывается «фронт борьбы» против Гегеля, который противопоставляет диалектический круг аффирмативной спирали. В то время как гегелевская негативность — это всегда «труд негативного» (*labor of the negative*), который «стабилизирует различия противоположностей», мы приходим к утверждению, которое освобождает нас от этого труда негативности, определенного Гегелем как «абстрактный» (Деррида 2007: 415). В этой схеме литература определяется как форма утверждения в его «чистом» состоянии, до философских компромиссов.

³ Эта фраза, в английском тексте звучащая как «fly by those nets», заимствована из пятой главы произведения Джойса «Портрет художника в юности» («When the soul of a man is born in this country there are nets flung at it to hold it back from flight. You talk to me of nationality, language, religion. I shall try to fly by those nets»). — *Примеч. пер.*

Красивая душа Беккета

«Война» против диалектики, как мотора негативности, — это гегель, которая бьет не только по самому сильному звену в цепи, но и по слабейшим ее точкам, из засады нападая на всевозможные «фигуры» негативности в гегелевских текстах. «Форма», которую я хотел бы выбрать для изучения, — это «прекрасная душа», которая «живет в страхе, боясь запятнать великолепие своего “внутреннего” поступками и наличным бытием», и поэтому «избегает соприкосновения с действительностью» (Гегель 2007: 385). Конечно, с точки зрения Гегеля, «прекрасная душа» — это классический пример неспособности достичь негативности, то есть действия, в мире. Отказ от негативности делает ее условием «пустого ничто», которое «потрясено до безумия и тает в истомляющей лихорадке» (Гегель 2007: 392). Если, с одной стороны, диалектическая негативность *в качестве действия* может соотноситься с неприемлемым ограничением негативности, то «внутренний беспорядок» «прекрасной души» может быть перевернуто понято как сохранение непреодолимой и неустранимой негативности. То, что для Гегеля только «внутреннее», в этом прочтении становится кровотоком негативности.

В тот момент, когда негативность работает вхолостую или, в формулировке Батая, оказывается «безработной» (*unemployed negativity*) (Bataille 1988), все ограничения негативности в действии отбрасываются. Дрю Милн заметила, что в отношении к художественному переложению «прекрасной души» у Сэмюэля Беккета мы находим: «Процесс динамичен, но динамизм, оживляющий этот процесс, двигается от тщетности мельчайших различий к абсолютному безразличию, отказываясь становиться диалектическим или признавать свою негативность как процесс определенных отрицаний» (Milne 2002: 78). В прочтении Милн у Беккета негативность «признается» как то, что никогда не может быть целиком снято в действии, и «бездеятельная» природа откладывания и промедления неизменно проявляется в его текстах. Именно диалектическая *неопределенность* «прекрасной души», которую Гегель считал неудачей, открывает потенциальный разрыв в диалектике, внутри которого помещается вечная негативность этой неудачи⁴. Что дает фигура «прекрасной души», так это отделение негативности от труда и действия, понимание ее как утверждения самой негативности, по ту сторону «экономического» порядка или только лишь в высшей экономике *«игры»*.

⁴ Это развертывание «прекрасной души» и связанная с ним фигура «несчастливого сознания», как и фигура «безработной негативности», представлены у Поля де Мана и, по-другому, у Ти Джей Кларка (Day 2010: 65, 171–172).

Однако остается трудность, связанная с пренебрежительным статусом понятия «прекрасная душа» в самом гегельянстве. Для Гегеля «прекрасная душа» — это «односторонняя форма, исчезновение которой в пустом тумане, а также и ее положительное отношение и дальнейшее движение мы видели» (Гегель 2007: 462). Без этой экстериоризации и реализации «прекрасная душа» осталась бы «безобъектной» и «односторонней». «Прекрасная душа» учитывается в гегельянстве, и с этой точки зрения оставаться на этом уровне означает регрессировать *внутри* диалектики. Валоризация этого регресса имеет определенные риски, даже если она заключается в утверждении гипернегативного, остающегося в рамках диалектики и заранее учтенного в рамках «экономии» негативности. Как справедливо замечает Милн, наш скептицизм или безразличие к достижению абсолютного знания угрожает нам оставить нас «беспокойными, в литературной или философской форме Духа, представляемой прекрасной душой[?]» (Milne 2002: 81). Эта проблематичная позиция, кажется, оставляет нас без средств для интервенции в мир, неспособных достичь какой-либо «работы негативности», в простом беспомощном созерцании «беспокойной» или «безработной» негативности.

Конечно же, именно сама «бесполезность» подобного рода негативности и приводит к ее валоризации в аффирмативизме. Стало быть, мы имеем вечный круг взаимных обвинений, где Гегель или гегельянцы могут ответить, что эта «бесполезность» просто утешительна, а точнее, «бесполезна» в плохом смысле, в то время как аффирмационисты утверждают, что экономия «пользы» просто воспроизводит наращивание на негативности философского капитала, который, в свою очередь, воспроизводит капиталистическое извлечение прибыли. Валоризация аффирмационистами неактивного и неоперативного и попытки утверждать аффирмативный и позитивный сдвиги радикализованной негативности (Agamben 2000) провоцируют ответ гегельянцев, который состоит в том, что это всего лишь прославление художественного и политического поражения, а быть может, и того хуже — художественной и креативной исключительности, которая лишь подпитывает круговорот капиталистического накопления.

Разрывая круг

Именно Делёз принял во внимание этот риск. Комментируя необходимость заменить остроту диалектического противоречия на игру различий, он замечает: «...философия различия должна удерживать себя от вовлечения в дискурс прекрасной души: различия, ничто, кроме различий, в мирном сосуществовании в идее социаль-

ных мест и функций» (Deleuze 1994: 207). Чтобы избежать этой участи, добавляет Делёз, мы требуем «необходимый градус *позитивности*», чтобы освободить «силу агрессии и отбора» (Deleuze 1994: xviii). Это показательно для стратегической необходимости, которая диктует связь между мышлением об утверждении и мышлением о негативности, оторванной от диалектического циркулирования. Мысль о различии *требует* аффирмации и позитивности, если только нет цели погрязнуть в примирении «с вещами как они есть» или в простой множественности усмирённых различий, поэтому в союзе с позитивностью мы неизбежно находим дикую негативность, «силу агрессии», которая никогда не может быть стабилизирована.

Следовательно, страх Делёза, который я разделяю, — это боязнь того, что бросить диалектику означает лишь привести к ее замещению «приемлемыми, примиренными или федеративными различиями» (Deleuze 1994: 52). В случае с Делёзом этот страх ведет к постоянному настаиванию на аффирмативном, на «необходимом градусе позитивности» как единственном средстве разорвать круг ограниченной негативности. В результате все, уличенное в негативности, должно быть уничтожено. Это очевиднее всего в делёзовском исследовании искусства и литературы, где любой признак болезненности или негативности у художника или писателя рассматривается как наша собственная неспособность правильно распознать их истинно аффирмативную функцию. Итак, мы обнаруживаем, что Делёза привлекает радикальное пере-прочтение произведений, которые мы обычно рассматриваем как «негативные»: Кафка (Deleuze, Guattari 1986), Беккет (Deleuze 1995), Фрэнсис Бэкон (Deleuze 2005) и т. д. В каждом из его прочтений «негативность» превращена в аффирмацию, чтобы стереть следы любой формы различия, способной увязнуть в «слабости» негативности как таковой. Таким образом, Делёз удерживает различие от любой связи с «прекрасной душой», понятой как интернализованная фигура негативности. Именно эта сила креативности действует и в политической сфере, которая тоже определяется исключением всякой негативности. В этом случае Делёз описывает революцию как разрыв негативности во имя «социальной силы различия, парадокса общества, специфического гнева, присущего идее социального» (Deleuze 1994: 208). Мы снова видим, что сила различия связывается с «гневом», с яростью, которая отказывается от стабилизированного различия во имя аффирмативного, утвердительного различия. То, что волнует Делёза и проявляется во всех его проектах, — проблема «поддельных форм утверждения», которая лишь увеличилась в текущей ситуации (Deleuze 1994: 208). Следовательно, неизменная задача делёзовского чтения — постоянно настаивать на уничтожении следов негативности, а это подразумевает, что утверждение не может быть закреплено в капиталистических формах. Он делает это, связывая произведения искусства

и политическую деятельность в высшей экономике *производства*. Повторяющийся аргумент состоит в том, что это высшее производство, которое может включать в себя негативность как «анти-производство», всегда детерриториализируется за пределами ограниченной детерриториализации капитала, который только лишь постулирует свои собственные пределы (Делёз, Гваттари 2008).

Чтобы поддерживать это целостное утверждение и его следствие, дикую негативность, необходимо настаивать на *постоянстве* (*consistency*) инаковости. Эта постоянная утвердительная инаковость никогда не может вернуться к относительному бытию, но всегда должна оставаться рефлексивной по отношению к самой себе, будь то «трансцендентальное поле» Делёза, *différance* Деррида, рассеивание сингулярностей Негри или, в более сомнительном смысле, «событие» Бадью. Внимание к моменту «прекрасной души» демонстрирует этот вид развертывания, так как инаковость тут интериоризована в сопротивлении любому компромиссу с миром и подталкивается к действию через дальнейшее утверждение «гнева». Такой аффирмативизм, в терминах Питера Холлворда (Hallward 2003), радикально *сингулярный* и не-релятивистский. Негативность в обычном, «плохом» смысле характеризуется относительностью, и, следовательно, никогда не избегает ограниченной (т. е. не всеобщей) экономики. В противовес компромиссам философии и экономики литература или некоторые формы и элементы литературы приходят на помощь, чтобы воплотить эту бесконечную сингулярную силу.

Циклы капитализма

В конце концов настоящий вечный двигатель — это *капитализм*. Для аффирмативизма «диалектика» капитала рассматривается как «диалектика», которая интегрирует различия и действует через негативность, чтобы организовать воспроизводство капитализма. В противоположность той диалектике, которая являлась оружием *против* капитализма, эта диалектика *воплощает* капитализм. Развертывая делёзовско-гваттарианскую пару детерриториализации-ретерриториализации, негативность в ее обычной форме приравнивается к ретерриториализации и присваивает позитивные по существу силы детерриториализации. Негативность рассматривается как мотор капитала или механизм рециркуляции, направленный на накопление прибыли. В этом случае гегелевская логика — это логика капитала, и «труд негативного» приспособляется для извлечения капиталом стоимости из труда. Философская машина, с Гегелем как ее воплощением *par excellence*, идентифицируется с машиной капитализма. При такой расстановке труд служит капиталу, и мы должны идти в другое место за радикализованной и утвержденной

негативностью, вбирающей в себя способность к творчеству, продуктивность, и играть по альтернативной схеме дикой негативности, которая разрушает капиталистический цикл стоимости. Аффирмативизм претендует на *разрыв* с циклом стоимости во имя этой бесконечной силы.

То, что остается после отделения этой дикой силы от негативности, перекодированной в аффирмативность, является простым остатком ограниченной и относительной негативности и принимает две формы: простое страдание смертного человеческого тела или взрывной и «нигилистический» акт насилия. Я буду утверждать, что это двойное овеществление: овеществление бесконечной сингулярной силы негативности и овеществление относительной, «неудавшейся» негативности. С другой стороны, в ответ на «героический тон» (Critchley 1999) восстановленной негативности мы становимся свидетелями валоризации «слабой» негативности как возможного пункта сопротивления. Вдохновленный левинасовским и постдеконструктивистским рассмотрением нашей пассивности перед Другим и упорным утверждением рассогласования между нашей «травмированной жизнью» и поздним капитализмом у Адорно, этот способ мышления подшивает негативность к *беспомощности* субъекта (Critchley 2007; 2012). В этой схеме негативность удерживается и валоризируется как наша конечность и неудача, комическое условие, знак нашего уклонения от захвата капитализмом. Фактически, однако, это только зеркало форм высокого аффирмативизма. Ссылка на бесконечное Другое вводит беспомощность, которая утверждает себя как всегда находящуюся за пределами простых отношений к капиталу или между людьми. Это другая онтологическая политика, управляемая не онтологией производства или строительства, а онтологией разделения: мы опять можем видеть это как вариант восстановления «прекрасной души». Таким образом, мы можем говорить о «мягком» аффирмативизме, который притупляет героический тон онтологической силы, но сохраняет необходимость утверждать даже слабость с помощью некоторых трансцендентных референций. Эту симметрию можно демонстрировать типичными позициями, в которых эти «конкурирующие» формулировки выражают сами себя. Первая формулировка — это формулировка из письма Беккета, текущей замены для Джойса в качестве ведущего модерниста, воспринятого теорией⁵. Беккет удовлетворяет современный вкус к неисчерпаемой негативности и выполняет эту функцию для обеих форм аффирмативизма. Мы наблюдаем соревнование интерпретаций по поводу того, имеет ли «негативность» Беккета пафос неудачи

⁵ Как мы видели, Джойс — это ключевая фигура для Деррида и для Лакана (Lacan 2005).

(Gibson 2006) или она вписывает себя в родовую способность к человеческому терпению и мужеству (Badiou 2003). Крайность негативности Беккета, как мы это видели в связи с обсуждением Милн, делает его фигурой негативности, которая (предположительно) не может коррелировать с капитализмом или существующими художественными формами. Несмотря на предостережения Милн, Беккет был валоризован как фигура гиперболической или дикой негативности. Это может восприниматься в форме «малой» негативности, избегающей капиталистической валоризации, или «большой» негативности, которая выходит за пределы цикла капиталистической валоризации.

Параллельно мы можем видеть, что комедия — другая сторона соревнования, которое часто связывается с Беккетом. Соревнование здесь проходит между комедией как дефляционной стратегией политической субливерсии (Crichtley 1999) и комедией как контуром бесконечности (Zupančič 2008). Желание избежать «трагического» в терминах диалектики приходит к комическому, выходящему за пределы негативности. Однако в случае с работой Аленки Зупанчич эта логика нарушается ее внимательным очерчиванием и реконструкцией комического как центральной составляющей гегелевского дискурса (Zupančič 2008). Таким образом, она является одним из немногих современных мыслителей, пытающихся избежать ложного выбора между пафосом «слабой» негативности и пафосом высокого аффирмативизма. Этот случай, однако, только исключение, которое подтверждает общее правило.

Я проследил именно циркуляцию, даже порочный круг: утверждение — дикая негативность — «слабая» негативность — утверждение. Мы можем начинать с разных точек на круге, но все равно получается только перестановка одних и тех элементов. Мы могли бы начать, как Саймон Критчли, со «слабой» негативности страдающего тела, чтобы вернуться к утверждению абсолютной инаковости, или, как Бадью, подчинить любую телесную слабость утверждению родовой процедуры верности событию. Конечно, круг является гегемоническим, и вопрос, следовательно, заключается в желании *разорвать* его. Как я упоминал, этот круг — *политический*: неважно, насколько скептически мы можем относиться к реальности такой политики или к политическим требованиям, предъявленным к «различию» или «утверждению», ставка аффирмативизма всегда совпадает с политической ставкой на разрыв с негативностью; конечно, «сведение счетов» с Гегелем, который решительно ввел философию в реальность, играет здесь ключевую роль. Гегель воспринимается как философ реальности, то есть нищеты современной (капиталистической) реальности. Что было утеряно, так это вера Маркса в то, что диалектику можно вернуть к «рациональной» форме, которая «внушает буржуазии и ее доктринам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же

время понимание его отрицания» и «по самому существу своему критична и революционна» (Маркс 1960: 22).

Вместо этого мы возвращаемся к расхожему мнению о том, что Гегель — «государственный философ», которое пронизывает квази-анархистскую аффирмационистскую оппозицию тому, что Делёз и Гваттари называют «государственным мышлением» в современной философии (Делёз, Гваттари 2010: 604–628). Как мы видели, связанная с этим ассимиляция диалектики капитализмом замыкает круг с другой, марксистской, стороны: диалектика приводится в движение негативностью, поэтому государство и капитал отражаются в диалектике; таким образом, негативность подчинена функции/функционированию государства и капитализма. Можно сказать, что в этой концепции государство/капитал играют роль рефлексивности, возвращают негативность в интериоризацию. Капитал становится «субъектом» в качестве формации негативности, используемой для производства стоимости. Против интеграции негативности аффирмативизма выдвигает интегральную негативность, которая не выносит компромисса с «кругом» диалектики. Это «прерванная» диалектика, «нарушенное» обещание пересечения рациональности и действительности, которое поддерживает переход негативности в «тотальную инаковость» и примат утверждения как пункта онтологического или событийного сопротивления. В этой ситуации реабилитация негативности сама по себе борется с любой «реляционной» ориентацией, потому что любая негативность отношения приводит к тенденции позиционировать негативность само по себе как абсолютно сингулярную или в крайней форме инаковости, когда она, даже принятая и валоризированная как таковая, связывается с сингулярным *субъектом* (опять-таки фигура прекрасной души имеет решающее значение). Это структура часто, хотя и не исключительно, принимается через *литературного* субъекта: именно литература воплощает резистентное пространство интегральной, дикой негативности в художественных формах, идущих от Бланшо до нашего времени. «Бесконечная» власть литературы изображается как выход за пределы простого ограничения ценности. В рамках порядка политического «субъект» инаковости коллективизируется в различных «метасубъектах»: «множестве», «голой жизни», «бесконечном Другом» и т. д. Еще раз скажем, что эти «субъекты» лежат вне капиталистической субъективности — центральной фигуры «рабочего». Литературное и политическое соединились в утверждении творческих способностей, рассматривается ли это соединение в качестве утвердительной силы, как у Делёза, или в качестве еще одной слабости, разрушающей политическую программу, как у Гибсона (Gibson 2012). Симметрия этих проявлений приводит к разочарованию в *опосредовании*, особенно в опосредовании труда, и к желанию *непосредственного*, особенно непосредственной фигуры сопротивления.

Тотализирующий труд

За пределами клише, используемых для характеристики Гегеля или Маркса, я бы предложил сейчас обратиться к восприятию *труда*, который является классической моделью негативности как отношения. Здесь я хочу сделать несколько предварительных замечаний, касающихся проблемы с однозначной для аффирмативизма идентификацией труда с ограниченной негативностью. Я утверждаю, что именно неудача негативности, проиллюстрированной трудом, открыла новые модели художественных творческих способностей и сыграла роль социальной формы, способной воплотить аффирмативную экономию. Фактически мы могли проследить этот «поворот» и возникновение этих означающих как политических знаков случившегося после 1973 года коллапса организованного труда даже как оставшегося воплощения негативности. Такие формулировки приобретают резонанс, но остаются проблематичными. Мы находим неоднозначность «игры» и «творческой способности», так как они закрепляются в определенных (правда, ограниченных) формах современного труда (Болтански, Кьяпелло 2011). Мы также обнаруживаем, что отказ от труда как теоретической и метафизической категории может вести к невниманию к труду как социальной или политической форме или такой программе его трансформации, которая не обращает внимания на его нынешнюю структуру и функции.

Конечно, идентификация труда с ограниченной негативностью находит поддержку через перспективный переход Гегеля от «пребывания с негативностью» к «труду понятия» (Гегель 2007: 10), и через батайевский разрыв с Гегелем и с его ограниченностью с помощью формулы «безработной негативности». В этой схеме Батай формулирует как бы протоаффирмационистский ответ гегельянскому «труду» посредством метафизики «игры». Однако эта идентификация также направляется через социальную реальность и политику в терминах общего подозрения, что труд не формирует контркатегорию по отношению к капиталу, но остается привязанным к нему диалектически. Это подозрение свидетельствует именно о разочаровании в труде как негативности и желании вновь очаровывающей силы высших творческих способностей. Если в революционном рабочем движении начала XX века труд и негативность казались связанными в радикальном действии, которое позже прослеживалось в антиколониальном движении и других движениях сопротивления, сейчас этот «пакт» выглядит нарушенным. Деградация этого союза приводит к повторяющимся поискам альтернативных форм, которые могли бы пробить глухую стену труда, замурованного в капитализм: различные «прощания» с пролетариатом как силой революционного

отрицания и различные кандидаты на роль радикального отрицания. В аффирмационистском моменте это моделирование перевернуто. Вместо поисков новых полюсов радикальной негативности, чего-то внешнего негативность соотносится с инерцией труда, привязанного к капитализму в качестве его «внутренней оппозиции», в то время как позитивность воплощает имманентную и самодостаточную силу разрыва. Валентности поменялись местами, и в ответ на «тотализацию» капитализма мы видим исследование позитивности как абсолютной имманентности, формы разрыва одновременно «внутри и против» капитализма. Если использовать термины конфликта и перегруппировки, произошедших в 1968 году, и капиталистического кризиса 1973 года, мы можем предположить, что возникшее является аффирмативным воплощением позитивности в новых модусах борьбы вкупе с долгим дрейфом от тревоги за провал или перехват государством этих альтернатив. Хотя «сила игры» казалась субверсивной, сейчас кажется, что она служит циклам накопления стоимости, которые требуют нашего аффективного и «радостного» труда. Скорее Беккет, а не Джойс в точности удовлетворяет вкус нашего момента, потому что его работа схватывает двусмысленность длительного отступления без перегруппировки. В этом смысле он мог бы пониматься как источник аффирмативной реартикуляции и как замечательное выражение трудности сохранения опыта капитализма как тотального горизонта. В соответствии с этим способом чтения сдержанность Беккета противостоит тотализации Джойса. В то время как Деррида играл Джойсом против тотализации Гегеля, сейчас Джойс характеризуется как фигура тотализирующего и «радостного» присвоения, то есть капитализма. Текстуальная машина Джойса возникает как мегамашина капитала, в то время как вычитающий аскетизм Беккета олицетворяет разочарование в «радостной» игре, которая ассоциируется с вариантами постструктурализма и выражает необходимость исследовать действительно интегральную дикую негативность, не подлежащую присвоению. Мы можем говорить, что в этом смысле есть что-то трудовое в игре Джойса, которое делает его фигурой рекуперации игры. Этот пункт предвидели Делёз и Гваттари, когда утверждали:

Но последний (Джойс) никогда не перестает оперировать весельем и сверхдетерминацией и вызывает все сорта ретерриториализации. Другой (Беккет) продолжает сухостью и умеренностью, добровольной бедностью, подталкивая детерриториализацию к крайней точке, которая не оставляет ничего, кроме интенсивностей (Deleuze, Guattari 1986: 19).

Именно эта симметрия оформляет настоящее развертывание литературы в теоретическом поле. У меня нет желания занимать

какую-либо сторону в этом споре или задавать вопросы о точности этих характеристики, которые точно могли бы быть заданы. Вместо этого я отмечаю идеологическое использование литературы для воплощения утраты веры в относительную негативность.

Я также утверждаю, что такая симметрия служит индикатором радикального ограничения канона литературы для выражения теории. По иронии постоянное обращение к Джойсу и Беккету как к фигурам, действующим от имени аффирмативной новизны, блокирует любое рассмотрение потенциальной «новизны» в текущей конъюнктуре. Мы наблюдаем определенную аллергию на мышление литературных возможностей, которые могли бы соединиться относительным сочетанием форм труда, включая литературный труд как таковой. Рассматривая только один пример, в сфере теории мы можем отметить пренебрежение постоянным производством политической поэзии и исследование того, что это могло значить в рамках того, что можно назвать «неомодернистской поэзией». Цитируя только некоторых возможных авторов, мы можем рассмотреть работы Кестона Сазерленда, Шона Бонни и ряд других современных поэтов, которые могут структурировать поэтическую и литературную «стоимость» в прямом исследовании товарных форм. Это только один из возможных шагов, и я предполагаю, что необходимо более широкое вовлечение теории и в прошлый, и в настоящий эксперименты или, если говорить точнее, более широкое признание и обсуждение таких попыток.

Проекция «героического» модернизма как закрытого ряда или даже антигероического модернизма служит сохранению силы утверждения, расположенного где-то за пределами горизонта капиталистического доминирования. Это перемещение выравнивает пафос утверждения с революционным моментом литературного производства и создает элизию между литературой и политикой. С одной стороны, это ослабляет и успокаивает конфигурацию модернизма и, не в последнюю очередь, различные политические силы, вовлеченные в эту конфигурацию. С другой стороны, это предотвращает любое рассмотрение существующих взаимопроникновений и взаимоотношений литературы и политики, которые ослабляются до истощенного постмодернизма. Еще раз, ирония в том, что наряду с постоянным заклиниванием стоимости утверждения этот тип мышления часто *осуждает* настоящее. Он пытается откопать другую стоимость или силу, которые могли бы соперничать с этим настоящим от имени аффирмативных сил, но не может осмысленно рассмотреть продолжающееся пересечение литературного и политического, особенно в отношении товара и экономики. Оправданная враждебность к коммодифицированному миру капитализма переводится в желание быть вне товаров, которое не может рассматривать формы товара и, не в последнюю очередь, главный товар — труд.

Движущееся противоречие

Любое новое рассмотрение труда и реляционной негативности не подразумевает простую ревалоризацию труда. Нет проблемы в возвращении к тому, что можно назвать «социал-демократической теорией», которой труд указывает ее место. Различные неудачи и ограничения социал-демократических форм, как и их ограниченные успехи в декоммодификации, должны быть критически проанализированы с точки зрения места труда. Современная ситуация свидетельствует и о продолжающемся идеологическом развертывании труда, который сейчас часто кодируется аскетизмом и жертвой, и о структурной *невозможности* труда внутри опыта капитализма⁶. Надо отметить, что аффирмативизм отвечает на реальные проблемы и его ответы не просто ложны. Я бы сказал, что одним из центральных элементов негативности труда является его очевидная невозможность в рамках капитализма. Это было хорошо схвачено в замечании Маркса о противоречивом существовании труда и как «живого источника стоимости», и как «не-стоимости» или «абсолютной бедности» (Маркс 1968: 152). Тенденция аффирмативизма в том, чтобы попытаться сломать это противоречие с помощью валоризации смысла «живого источника» вне труда, отсюда — популярность различных форм неовитализма в современной ситуации. Я предполагаю, что литература — это одна из сторон этой фигуры «живого источника». Выбор Беккета, однако, предполагает осознание продолжающегося эффекта противоречивого опыта капитализма, который сопротивляется пришествию Годо.

Трудность здесь, однако, и политическая, и литературная (если их можно разделить, в чем я сомневаюсь). В случае с политическим нет ничего, что могло бы сделать неудачными поиски альтернативных точек противостояния капиталистическому доминированию, кроме того, что эти поиски часто оторваны от социальной реальности⁷. Осуждение настоящего как атонального и бессобытийного регистрирует определенную истину, но раздувает эту истину в метафизику, которая преграждает путь настоящему. Мы имеем мужество отказываться от труда в той степени, в которой сам капитализм от него отказывается, и почти не рассматриваем, как споры о «невозможности» труда при

⁶ Одним из лучших размышлений над данной ситуацией, приспособившейся к ограничениям труда, а также к трудностям контрдискурса, является анализ труда в современной Южной Африке, сделанный Франко Баркьези (Barchiesi 2012).

⁷ Этот отказ от действительности и принятие радикальной редкости события присутствуют в самых крайних антимарксистских и негативных формах в «Переमेжаемости» Эндрю Гибсона (Gibson 2012), которая является очень симптоматичной работой для данного направления.

капитализме могут быть переведены в возможность альтернативного и более справедливого социального строя. В то же время притязания на аффирмативную и бесконечную власть повторяют капиталистические фантазии о резерве рабочей силы, которую можно эксплуатировать вечно. Облечение этого резерва в литературные формы увеличивает сложности. Еще раз, выведение «интенсивностей» за пределы понимания сопротивляется более сложным вопросам литературной практики в настоящее время. Это приводит к риску валоризации резерва творческих способностей, что служит созданию других форм извлечения прибыли.

Мои требования скромны. Не отрицая способ, которым аффирмативизм выражается, сохраняется в критическом и политическом дискурсе на протяжении одного из худших времен, я считаю, что признание взаимосвязей, от которых он зависит, требует более внимательного обдумывания. Это также не отрицает того, что сам аффирмативизм обладает достаточными ресурсами для этого обдумывания. Однако верно и то, что рефлекторное осуждение любой реляционной негативности в конце концов означает разрыв с действительностью. Простое заявление в произвольной форме, что все относительно ограничено, отрицает стратегическое мышление как таковое. Я утверждаю, что сегодня твердость должна принимать формы не повторения аффирмативности, а переосмысления негативности.

Перевод Максима Кулаева и Ксении Ермошиной

Библиография

- Болтански, Люк, Кьяпелло, Эв (2011). *Новый дух капитализма*. М.: Новое литературное обозрение.
- Гегель, Георг Вильгельм Фридрих (2007). *Феноменология духа*. М.: Эксмо.
- Делёз, Жиль, Гваттари, Феликс (2008). *Анти-Эдип*. Екатеринбург: У-Фактория.
- Делёз, Жиль, Гваттари, Феликс (2010). *Тысяча плато*. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель.
- Деррида, Жак (2007). *Письмо и различие*. М.: Академический проект.
- Джойс, Джеймс (2006). *Улисс*. СПб.: Азбука-классика.
- Маркс, Карл (1960). Послесловие ко второму изданию, в кн.: Маркс, Карл, Энгельс, Фридрих. *Сочинения*: в 50 т. М.: Государственное издательство политической литературы, т. 23.
- Маркс, Карл (1968). *Экономические рукописи 1857–1859 годов*, в кн.: Маркс, Карл, Энгельс, Фридрих. *Сочинения*: в 50 т. М.: Государственное издательство политической литературы, т. 46, ч. 1.
- Agamben, Giorgio (2000). *Means without End: Notes on Politics*, transl. Vincenzo Binetti, Cesare Casarino. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Badiou, Alain (2003). *On Beckett*, transl., ed. Alberto Toscano, Nina Power. London: Clinamen Press.

- Barchiesi, Franco (2012). *Precarious Liberation: Workers, the State, and Contested Social Citizenship in Postapartheid South Africa*. Albany, N.Y.: State University of New York Press.
- Bataille, Georges (1988). Letter to X, Lecturer on Hegel..., in: *The College of Sociology, 1937–39*, ed. Denis Hollier, transl. Betsy Wing. Minneapolis: University of Minnesota Press, p. 89–93.
- Critchley, Simon (1999). Comedy and Finitude: Displacing the Tragic-Heroic Paradigm in Philosophy and Psychoanalysis, in: Critchley, Simon. *Ethics — Politics — Subjectivity: Essays on Derrida, Levinas and Contemporary French Thought*. London: Verso, p. 217–238.
- Critchley, Simon (2007). *Infinitely Demanding: Ethics of Commitment, Politics of Resistance*. London; New York: Verso.
- Critchley, Simon (2012). *The Faith of the Faithless: Experiments in Political Theology*. London; New York: Verso.
- Day, Gail (2010). *Dialectical Passions: Negation in Postwar Art Theory*. New York: Columbia University Press.
- Deleuze, Gilles (1994). *Difference and Repetition*, transl. Paul Patton. London: Athlone.
- Deleuze, Gilles (1995). The Exhausted, transl. Anthony Uhlmann, *SubStance*, 24.3, N 78, p. 3–28.
- Deleuze, Gilles (2005). *Francis Bacon: The Logic of Sensation*, transl. Daniel W. Smith. London: Continuum.
- Deleuze, Gilles, Guattari, Félix (1986). *Kafka: Toward a Minor Literature*, transl. Dana Polan. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Derrida, Jacques (1984). Two Words for Joyce, trans. Geoffrey Bennington, in: *Post-Structuralist Joyce: Essays from the French*, ed. Derek Attridge and Daniel Ferrer. Cambridge: Cambridge University Press, p. 145–159.
- Derrida, Jacques (1989). *Edmund Husserl's Origin of Geometry: An Introduction*, transl. John P. Leavey, Jr. Lincoln: University of Nebraska Press.
- Derrida, Jacques (1992). *Acts of Literature*, ed. Derek Attridge. London: Routledge.
- Gibson, Andrew (2006). *Beckett & Badiou: The Pathos of Intermittency*. Oxford: Oxford University Press.
- Gibson, Andrew (2012). *Intermittency: The Concept of Historical Reason in Recent French Philosophy*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Hallward, Peter (2003). The One or the Other: French Philosophy Today, *Angelaki* 8, N 2, p. 1–32.
- Joyce, James (1992). *Finnegans Wake*, ed. Seamus Deane. London: Penguin.
- Lacan, Jacques (2005). *Le Séminaire, Livre XXIII: Le Sinthome*. Paris: Seuil.
- Milne, Drew (2002). The Beautiful Soul: From Hegel to Beckett, *Diacritics* 32, N 1, p. 63–82.
- Nancy, Jean-Luc (2002). *Hegel: The Restlessness of the Negative*, transl. Jason Smith, Steven Miller. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Noys, Benjamin (2010). *The Persistence of the Negative: A Critique of Contemporary Continental Theory*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- O'Brien, Flann (1993). *The Dalkey Archive*. London: Flamingo.
- Zupančič, Alenka (2008). *The Odd One In: On Comedy*. Cambridge, Mass.; London: The MIT Press.